

© 1991 г., СЭ, № 4

З. П. Соколова

АДАПТИВНЫЕ СВОЙСТВА КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СЕВЕРА

Тема исследования¹ тесно связана с проблемой культурной адаптации человека в природе и обществе. Вопросы культурной адаптации можно сгруппировать в четыре взаимосвязанных блока:

1) Природопользование и жизнеобеспечение (хозяйствование). В рамках этой проблемы выделим следующие вопросы: отношение человека к природе и степень его зависимости от природы, численность и расселение людей, хозяйственные занятия, образ жизни, половозрастное разделение труда, народные знания о природе, животном мире, экологические и культурные ниши.

2) Традиционная материальная культура в ее связи с природой и адаптацией человека (поселение и жилище, одежда, пища, средства и способы передвижения, утварь).

3) Социальная адаптация (землепользование, социальный коллектив, брачные нормы, репродуктивные коллективы, социализация как способ передачи национальной культуры из поколения в поколение, этические нормы, обычаи, этнопсихология, национальный характер).

4) Мировоззрение и духовная культура (представления о мире, человеке, жизни и смерти, душе, религия и культ, лечебные и психологические функции знахарей, колдунов, шаманов — как способ социальной и культурной адаптации человека в обществе; праздничная культура, эстетические особенности искусства, этническое самосознание как способ сохранения социальной стабильности, значение символов национальной культуры).

В настоящее время адаптивный аспект бытования национальной культуры народов Севера почти не изучен, таких исследований в СССР проводилось мало. Подобные исследования проводятся в США, Канаде, Скандинавских странах еще с 1940-х гг.² Так, норвежские ученые изучают возможности приспособления национальной культуры для выживания в современной ситуации на примере одного из северных народов — саамов, не имеющих четкой политической структуры, а также механизмы, позволяющие им воспроизводить свою национальную культуру³.

В советской этнографии имеется немало ценных трудов, в которых подробно описана материальная и духовная культура многих народов Севера, ее обусловленность существующими местными природными условиями. В основном это были работы сравнительно-исторического и этногенетического характера; аспектом исследования национальной культуры в предлагаемом в данной статье ракурсе до сих пор в достаточно полном объеме не занимались⁴. В пределах экстремальной зоны Севера не проведено нужное число корректных исследований с позиции культурной компенсации нагрузок на жителя каждого конкретного региона.

Крайний Север страны — это огромная территория Европейской части СССР и Сибири, которая характеризуется экстремальными географическими и климатическими условиями, очень трудными для выживания человека (длинная зима и короткое лето, сильные морозы, метели, пурга зимой, гнус летом,

бездрожже, связанные с огромными лесами, обилием рек, озер и болот; вечная мерзлота, непригодность многих территорий для земледелия и животноводства, зависимость человека от количества зверя, урожая ягод, орехов, хода рыбы и т. п.).

Однако самые экстремальные для жизни человека условия — в Арктике, Субарктике и Заполярье. Здесь к перечисленным выше трудностям добавляются полярная ночь зимой, безлесные тундровые пространства, где нет или мало дерева, менее богат растительный и животный мир, очень холодно. К тому же арктическая природа еще более хрупка и ранима, чем природа Севера в целом (например, колеи вездеходов на тундровой поверхности не зарастают в течение более чем десяти лет).

И тем не менее человек живет здесь уже много тысячелетий. Если на Ямале и Таймыре самые ранние следы его относятся к V тыс. до н. э., то в Якутии — к VIII тыс., на Чукотке — к X тыс. до н. э.⁵ В течение тысячелетий человек на Севере сумел приспособиться к этим суровым условиям, выработал ценнейшие навыки адаптации к ним, создал уникальную культуру и народную экологию. Это становится еще более очевидным в свете постоянных миграций пришлого населения, участвующего в промышленном освоении Севера и Сибири (практически в течение нескольких десятилетий потоки приезжающих для этой цели и выезжающих обратно в ряде регионов равны) и не сумевшего адаптироваться к северным условиям.

Как показывает практика, наиболее рациональным в настоящее время в данном регионе является традиционное северное хозяйство. Оно, как и вся национальная культура каждого из северных народов, экологически сбалансировано и позволяло человеку на протяжении тысячелетий осваивать данную экстремальную зону. Этой цели служили как способы хозяйствования, все элементы уклада и образа жизни, материальной культуры, так и духовная культура — обычаи и обряды народа, его праздничная культура, этические нормы, эстетические особенности художественной культуры и даже мировоззрение и культ, лечебные и психологические функции знахарей, колдунов, шаманов. Культурная адаптация человека тесно связана с экологией. Нарушения экологического баланса на Севере, утрата традиционных отраслей хозяйства коренным населением (оленоводства, охоты, рыболовства, морского зверобойного промысла), коренные изменения образа жизни народов Севера, утеря черт традиционной материальной и духовной культуры, как показывают данные последних лет, ведут к деэтнизации культуры и даже депопуляции отдельных этнических групп.

Каждый из народов Севера Сибири обладает своеобразной культурой. Человек на Севере всегда в самой большой степени зависел от окружающей природной среды, предоставлявшей ему все — пищу, материалы для одежды, жилища, утвари, средств передвижения и пр. Неслучайно самые большие голодовки на Севере вызывались миграцией зверя, плохим уловом рыбы, когда люди вынуждены были есть лиственничную и сосновую заболонь (слой под корой), кожу со своей одежды и обуви.

Экстремальность природных условий Севера, хрупкость и ранимость природы, характер и запасы природных ресурсов определили приспосабливающий характер хозяйства, а также обусловили малую численность и дисперсность в расселении народов Севера. Так, для далекого прошлого (III—II тыс. до н. э.) численность арктического населения условно определена в 11 тыс. чел. (сейчас здесь живет более 1 млн. чел.), а численность коренного аборигенного населения Сибири в XVII в. определена условно в 130 тыс. чел.⁶ Рассмотрим для сравнения Южную Сибирь с несколько более благоприятными природными условиями, где к тому же имеются возможности для развития производящих форм хозяйства (земледелие и скотоводство). Численность населения (якутов, бурят, тувинцев, хакасов, алтайцев, сибирских татар, шорцев) в середине нынешнего столетия составляла здесь ок. 800 тыс. чел. против 131,5 тыс. чел. народов

Севера, хотя территория расселения последних больше. Примерно такие же соотношения были и в XIX в.

Поэтому в Южной Сибири намного выше плотность населения (особенно если учесть и пришлых жителей), больше поселений. Для Севера же характерна крайне низкая плотность населения (1 чел. на 15—25 и более кв. км), влияние антропогенного фактора на природу здесь ослаблено. Это позволяло иметь большие площади оленьих пастбищ, охотничьих и рыболовных угодий, в том числе и резервных.

Хозяйственные занятия народов Севера полностью связаны с природной средой. Это охота, рыболовство, оленеводство, морской зверобойный промысел, собирательство. Но в зависимости от природных условий каждая из этих отраслей имела различный удельный вес в общем хозяйственном комплексе, чаще всего в нем преобладали одна или две отрасли, что наложило отпечаток на культуру каждого народа. Хотя у всех народов Севера хозяйство было комплексным, у них выделено четыре основных хозяйственно-культурных типа (ХКТ): 1) арктические охотники на морского зверя (эскимосы, береговые чукчи и коряки, алеуты); 2) оленеводы тундры и лесотундры (ненцы, энцы, нганасаны, долганы, чукчи, коряки, эвены, северные группы хантов, манси, якутов, эвенков); 3) оседлые рыболовы бассейнов крупных рек — Оби, Енисея, Лены, Амура (ханты, манси, южные селькупы, кеты, ульчи, нанайцы, нивхи, ительмены, часть коряков); 4) охотники и оленеводы тайги (эвенки, эвены, долганы, тофалары, лесные ненцы, северные селькупы, оленные кеты, юкагиры, отдельные группы хантов и манси). У народов Сибири выделен еще один, пятый ХКТ — скотоводы и земледельцы (якуты, алтайцы, хакасы, тувинцы, буряты, сибирские татары) ⁷. Существуют и промежуточные варианты ХКТ. Так, можно выделить ХКТ пеших и оленьих охотников и рыболовов тайги и лесотундры с равным значением в хозяйстве охоты и рыболовства и ХКТ с преимущественной ролью охоты (группы хантов, манси ⁸, южных селькупов, шорцы, удэгейцы, негидальцы, орочи и др.); алеуты, например, занимались не только морским зверобойным промыслом, но и охотой. У оленеводов тундры была развита также и охота, у охотников и рыболовов тайги (ханты, кеты, селькупы, ороки) было развито оленеводство.

А. В. Головнев на основе систематизации хозяйственных комплексов в соответствии с характеристиками отраслей хозяйства (по особенностям приемов охоты, рыболовства, оленеводства и пр. он выделяет по четыре типа рыболовства и охоты и восемь типов оленеводства) только для народов Западной Сибири определяет наличие девяти различных ХКТ ⁹. Так, например, ХКТ оленеводов тундры и лесотундры он делит на четыре ХКТ, в которых различаются типы оленеводства — тундровый крупнотабунный с прибрежнотундровым вариантом и арктическим подтипом и лесотундровый. Такая вариабельность в ХКТ хорошо иллюстрирует высокую степень адаптации народов Севера к большому разнообразию природных условий и ресурсов.

Со временем ХКТ у некоторых народов менялся: так, нганасаны, ненцы и юкагиры еще в XVIII—XIX вв. охотились на дикого оленя, т. е. относились к особому типу арктических охотников, ненцы занимались еще и морским зверобойным промыслом, раньше им занимались и нивхи.

К той или иной хозяйственной деятельности каждого народа были приспособлены вся его культура, знания, навыки и обычаи. Ярким примером этого является народный календарь. В календарях народов Севера и Сибири наблюдается единство: все они подчинены хозяйственному циклу.

В условиях определенной ограниченности астрономических знаний все календари, как правило, лунные, т. е. основаны на самом очевидном и легком для подсчета времени — фазах луны. Впрочем, эта особенность характерна для многих (если не всех) народов. Даже месяц обозначается словом «луна», «месяц»: *этпос* (манси), *иры* (ненцы), *кичеда* (нганасаны), *бега* (эвенки), *бе биа* (народы Амура) и др. Неслучайно до XX в. в календарях некоторых

народов (эвенки, селькупы, ханты, негидальцы и др.) прослеживаются следы 13 месяцев¹⁰.

Тесная связь народного календаря с хозяйственными занятиями и природой отражена и в делении года либо на две части — теплую и холодную (нганасаны, ханты, эвенки, негидальцы, якуты, тувинцы), либо на четыре сезона — весна, лето, осень, зима (ханты, манси, эвенки, нанайцы, ительмены и др.). Начало года — весной или осенью — также отражает связь народного календаря с хозяйственным циклом и природой (осень, весна).

Названия месяцев как нельзя более точно отражают утилитарное, хозяйственное значение календаря народов Севера и Сибири. Наименования месяцев в большинстве случаев связаны либо с фенологическими явлениями (сильный большой мороз, ледостав, распускание цветов, прилет орла, гуси-утки прилетают и т. п.), либо с хозяйственными занятиями: охотой (месяц охоты на пушных зверей, охоты на дикого оленя, белкования и др.), рыболовством (рыба идет, рыба мечет икру, запоры ставят, неводы и др.), оленеводством (отел оленей, гон оленей, первых телят, снятие оленьих шкур на малицу и др.), морским зверобойным промыслом (время охоты на молодых тюленей и др.), собирательством (ягоду собирать, копают корень сараны, время добытия корней, из деревьев добывают сок), земледелием у народов Южной Сибири (посев, жатва, хлеб полоть, хлеб молотить и др.), скотоводством (сено косить, конские скачки).

У эвенов названия четырех сезонов года отражали также и их кочевой образ жизни: зимовка (зимняя стоянка), поздневесновка (поздняя весенняя стоянка), летовка (летняя длительная стоянка), осеневка (раннеосенняя длительная стоянка).

Подобная тесная связь народного календаря с сезонами года, климатическими, фенологическими явлениями, хозяйственными занятиями обеспечивала четкий ритм жизни и занятий населения. Сходство, наблюдаемое в значеннях названий месяцев у самых разных народов Севера и Сибири (линька птиц, наст, морозы, короткий день, обдирание бересты, листопад, ледоход, зеленение листвы и др.), свидетельствует о тесной связи народа с окружающей природной средой, сходной в ряде регионов обитания народов Севера и Сибири.

Адаптивную роль играют зрительное, почти фотографическое восприятие местности, умение ориентироваться, читать следы людей, зверей и птиц, знание анатомии, характера и повадок животных, примет, связанных с переменой погоды, владение навыками народной медицины¹¹.

Хозяйственные занятия во всем комплексе, их полная приспособленность к окружающей среде определяли образ жизни народов Севера — кочевой, полукочевой (бродячий), полуседлый*, оседлый. Например, бродячий образ жизни эвенов как форма культурной адаптации к условиям природной среды и обитания, выработанная в течение жизни многих поколений, ярко, на многочисленных примерах показана в книге М. Г. Турова¹².

Образ жизни в свою очередь определял типы жилища, одежды, транспортных средств. Рассмотрим этот аспект проблемы на примере поселения и жилища народов Севера и Сибири. Типы поселения и планировка усадьбы зависят, с одной стороны, от образа жизни народа, с другой — от свойственного ему ХКТ.

У народов как Севера, так и Сибири в целом, отличающихся многообразием ХКТ, можно выделить четыре основных категории поселений: 1) кочевые стойбища оленеводов с переносными жилищами и кочевья скотоводов; 2) сочетание сезонных (летних, осенних, весенних и зимних) и временных селений у полукочевых охотников-олeneводов и рыболовов; 3) постоянные зимние селения

* Полукочевой образ жизни в отличие от полуседлого характеризуется большей подвижностью и чаще всего отсутствием постоянных поселений, наличием лишь сезонных и временных стоянок. Он был свойствен кетам и многим группам эвенов.

в сочетании с летними или сезонными и временными у полуоседлых рыбаков и охотников; 4) постоянные селения оседлых рыболовов, морских зверобоев и земледельцев¹³.

Планировка поселений и усадеб в тундре, лесотундре и тайге, как правило, разбросанная, дома расположены на значительном расстоянии друг от друга. Рыболовные и охотничьи угодья, ягодники находятся часто около самого селения. Старики, женщины и дети имели возможность ловить рыбу, ставить ловушки на зверя, собирать ягоды, не уходя далеко от дома. Это облегчало домашний труд, выпас оленей, занятия традиционным хозяйством. Вокруг дома располагались хозяйственные постройки — амбары, навесы, сараи, сушильни, коптильни, вешала, хлебные печи, уличные кухни, оленьи сараи с дымокурами, домики для собак, хлева для скота, бани, культовые сооружения. Размер территории усадьбы не фиксировался, он определялся числом хозяйственных построек и иных строений.

Селения удачно вписывались в окружающий пейзаж, места для них выбирались тщательно, всегда, у воды, на возвышенных местах, среди зелени. Непременным условием проживания было поддержание чистоты. Мусор, ненужные вещи относили в лес, аккуратно укладывали или вешали на деревья (например, старую одежду, детские люльки). У манси даже существовало представление-поверье о том, что из брошенных где попало вещей возникает злое существо *паульерут*, которое пожирает людей¹⁴.

Различные сочетания типов поселений у разных народов Севера позволяют проследить, как проявляются этнические особенности в адаптации этноса в определенных географических и социальных условиях. Это можно проиллюстрировать на примере жилища.

Жилище народов Севера и Сибири весьма многообразно по типам. Нам удалось выделить не менее 80 различных типов жилищ¹⁵. Большая часть их — аборигенного происхождения и возникла не случайно, а обусловлена рядом экологических факторов, в том числе строительными материалами, имеющимися в каждом регионе.

Материалом для строительства жилища в зависимости от природных условий служит дерево (бревна, половинки бревен, обтесанные и необтесанные доски, столбы, жерди, прутья, колотые плахи, ветви, кости морских животных, оленьи шкуры, войлок, глина, мох, солома, трава, рыба, кожа, в крайне редких случаях — камень). Каркас * покрывают либо берестяными крышками, либо крышками, сшитыми из оленьих шкур или шкур морских животных, войлоком, реже — брезентом, тканью, рыбьей кожей. Сверху подземные и некоторые наземные жилища засыпают землей, обкладывают дерном, камнями. Нередки земляные крыши у срубных домов. В ряде случаев стены жилищ обмазываются глиной (обычно — плетенные из прутьев, но иногда — и из бревен, досок, плах). Поэтому естественно, что мы не встретим в тундровой и северотаежной зоне глинобитных домов, или жилищ, крытых войлоком, это особенность южных регионов. Нигде, кроме тундры, морского арктического побережья нет жилищ с каркасом из костей и черепов моржей и китов, а также крытых шкурами морских животных. В тундре же, как правило, почти нет жилищ, крытых корой деревьев (березовой, лиственничной). Зато их много в таежной зоне. В то же время в тундре за неимением дерева чаще используется камень. Для зоны тайги характерны многообразные по форме жилища из дерева, ветвей, прутьев, коры. В лесостепных районах для покрытия каркаса дома чаще употребляются сухая трава, сено, солома. Полотнищами из рыбьей кожи наземные постройки покрывали только на Амуре, где водится немало крупной рыбы с пригодной для выделки кожей.

Точно так же дифференцировано по регионам использование различных материалов для окон вместо стекла: так, зимой почти всюду стекло заменяли

* Каркас — остов, или основа сооружения (из столбов, жердей), на котором крепится покрытие.

льдины, а летом вместо него рыболовы (ханты, манси, селькупы) использовали рыбы пузыри или рыбью кожу (налимью, стерляжку); те, кто занимался охотой (ительмены, например) — кишки медведя; морские зверобои — кишки сивуча; ханты и манси, владельцы оленей — брюшину оленя, владельцы скота (сибирские татары, ительмены) — брюшину барана, коровы, кишки лошади. Якуты использовали сетки из конских волос, якуты и ительмены — еще и слюду.

Большая вариативность использования материалов для одной и той же цели и поразительное сходство элементов культуры свидетельствуют о большой степени адаптированности человека к окружающей его среде.

Неслучайно также, что почти повсеместно древнее стационарное зимнее жилище было подземным: лишь такое жилище могло быть достаточно теплым, особенно на ранних стадиях цивилизации в условиях суровой природы Севера. Некоторые его конструктивные детали также сложились неслучайно. Так, большинство стационарных подземных жилищ народов Севера и Сибири были каркасной конструкции, при этом каркас сооружался из наклонных (реже вертикальных) столбов в виде простой или усеченной пирамиды в зависимости от того, как были соединены вершины опорных столбов — друг с другом или при помощи рамы. Такие постройки были известны саамам, ненцам, уграм, кетам, селькупам, эвенкам, эвенам, юкагирам, долганам, якутам, чукчам, корякам, эскимосам, нивхам, айнам, ульчам, ительменам, алеутам, вероятно, также алтайцам и шорцам. Это *вежа* саамов, *голомо* звенков и якутов, *балаган* якутов, земляные дома угров, кетов¹⁶. Указанная конструкция, разумеется, наиболее простая, она легче для освоения, чем строительство из горизонтально положенных бревен, жердей и тем более досок, когда орудия труда еще довольно примитивны (неслучайно здесь и срубная техника развилась в основном с приходом в Сибирь русского населения).

Наконец, наличие у подобных жилищ многих народов (хантов, селькупов, ительменов, коряков, нивхов) двух входов — нижнего, в виде коридора, и верхнего, через дымовое отверстие, также говорит о большой степени приспособляемости населения к жизни в условиях суровой снежной зимы с метелями, когда жилище заносило снегом до самой крыши.

Эти близкие для многих народов Сибири типы жилищ, их элементы и детали, распространенные порой на огромных территориях, вырабатывались тысячами в тесной зависимости от местных условий. Там, где эти условия и типы хозяйствования были близки, мы наблюдаем сходство и в ряде других элементов культуры.

Еще один пример, подтверждающий эту мысль, — распространение почти по всей Сибири (таежно-лесостепной ее части) такого типа очага как *чувал*. Это открытый очаг, своего рода камин, остов его сооружался из жердей и прутьев, обмазывался глиной и землей, смешанной с травой. Он удобен как средств и отопления, и освещения, и приготовления пищи. Ввиду такой универсальности чувал и распространился от Урала до Якутии, от Полярного круга до Алтая у самых разных народов — хантов, манси, селькупов, кетов, сибирских и чулымских татар, эвенков, долган, якутов, алтайцев, шорцев, айнов (известен он был также и у башкир)¹⁷.

По всей видимости, еще до появления на Севере срубной техники, распространялась т. н. пазовая техника¹⁸ сооружения дома из горизонтально положенных бревен, врезанных в вертикальные угловые столбы.

Сруб, техника строительства которого чаще всего заимствовалась у русского населения, также претерпел немало изменений в местных условиях. В силу не развитости здесь строительной техники, отсутствия орудий труда высокого качества и подчас хорошего леса это довольно примитивная постройка — низкий (ниже человеческого роста) сруб, без фундамента, нередко без потолка, с земляным, иногда даже чуть углубленным полом, часто с крышей, крытой берестой дерном, засыпанной землей, с маленькими окнами, низкой дверью. Эти особен

ности, во-первых, облегчали строительство, во-вторых, обеспечивали максимум тепла в доме.

В то же время буряты, тувинцы, якуты, алтайцы, хакасы, традиционное жилище которых было круглым в основании (*юрта, ураса, чум*), переходя к использованию новых материалов, строили многоугольные (6—8-ми угольные) срубы, сохраняя тенденцию к округлому плану дома. Вероятно, эта же особенность свойственна и восьмиугольному подземному дому коряков.

Только на юге Дальнего Востока (р. Амур, Сахалин, Маньчжурия) были известны оригинальные постройки с кановым * отоплением. Однако, как выявили советские этнографы, сходство амурских построек с маньчжурскими ограничивалось в основном устройством канов¹⁹. В остальном это были дома, приспособленные к данной природной среде и хозяйственной деятельности аборигенов, отражающие историю народа, его культуру. Об этом говорят разные детали: отсутствие двора, резные украшения дома, иное устройство окон, наличие таких конструктивных особенностей как специальное вентиляционное отверстие (реликт более древнего жилища) и помосты-настилы внутри дома для медведя ** и кормления собак.

Интересно также отметить специфику домов из досок, которые стали строить на Севере в XIX в. Сами народы Севера не умели тогда делать доски, у них не было для этого приспособлений (встречаются лишь колотые плахи). Но на Север Сибири северным путем, по морям Ледовитого океана приходили суда с баржами, на которых привозили грузы. Чтобы не вести обратно пустые баржи, их оставляли на берегах рек (например, Оби). Население использовало их для строительства домов. Однако дом, сооруженный из досок методом срубной техники, не очень устойчив. Поэтому местные строители стали скреплять доски стен и фронтона жердями снаружи и изнутри, соединяя их друг с другом специальными креплениями в замок²⁰.

Многообразие форм жилища обусловлено их конструкцией, имеющимися строительными материалами, историей формирования народов. Например, у рыболовов Оби, Енисея, Амура в одинаковой степени много типов сезонных и временных построек. Это и конический чум, и полусферические, сферические, в форме рассеченного цилиндра, прямоугольные постройки с односкатной, двускатной, округло-двускатной, конической крышей. Иначе и быть не могло: частота переездов с промысла на промысел, разнообразие природных условий и строительных материалов, этнические особенности народов не могли не привести к такому разнообразию народного зодчества.

Несмотря на то, что в многообразных жилищах народов Севера и Сибири немало общих черт, тем не менее даже в рамках одного и того же типа жилища могут быть различия, вызываемые экологической средой.

Так, например, в зависимости от особенностей хозяйства и образа жизни населения один и тот же тип жилища может быть стационарным или переносным, постоянным, сезонным или временным. Таков чум народов Севера и Сибири — коническое жилище из жердей, крытое оленьими шкурами зимой или берестяными покрышками летом. У оленеводов это постоянное и переносное жилище — жерди его остова и покрышки из оленьих шкур или бересты при перекочевках со стадами оленей перевозятся на специальных нартах. У рыболовов и охотников чум может быть как стационарным (когда его остов не переносится с места на место), так и сезонным или временным.

Характер чума — стационарного или переносного — в значительной мере отражается на его конструктивных деталях. В переносном чуме все его части (шесть, покрышки, утварь) максимально облегчены, их число строго определено (25—40 шестов в зависимости от размеров чума, 4 покрышки, 4—6 досок для пола, несколько циновок и оленьих шкур для спанья, железный лист для

* Каны — полые нары с дымоходами в них, по которым от печи или печей шел теплый воздух, отапливающий помещение.

** Его вводили в дом во время специальных празднеств.

очага, очажное устройство — крюк и т. п.). Их форма отшлифована веками. Раз и навсегда определен порядок установки чума: сначала выбирают место для центрального очага — кладут железный лист, затем — доски пола, циновки, лишь потом ставят основные опорные шесты чума. После этого устанавливают специальное очажное устройство, и лишь затем ставят остальные жерди чума и натягивают на него покрышки²¹.

Не случайно чум, чукотская *яранга*, эвенское жилище *чорама-дю* в тундре и юрта в степях — переносные типы жилища. Во-первых, это связано с кочеванием, во-вторых, с дефицитом дерева, из-за чего даже каркас жилища приходится перевозить с места на место.

Интересно также, что особая форма чума (конус с пологими стенками), эвенского жилища *чорама-дю*, чукотско-эскимосской и корякской *яранги* и кочевой войлочной юрты бурят и тувинцев (низ — в форме цилиндра, верх — сферический или конусообразный) характерна в основном для открытых безлесных тундровых и степных пространств, где господствуют ветры. Обтекаемая форма чума, *яранги*, *чорама-дю* и юрты обеспечивает их устойчивость, с пологих стенок стекает дождь и соскальзывает снег²².

Заметим, что без ответа остался вопрос о причинах сходства цилиндрико-конической формы жилищ разных и удаленных друг от друга народов как буряты, тувинцы, чукчи, коряки, эскимосы и эвены.

Этнические черты в близких по типу постройках встречаются постоянно. Приведем несколько примеров. Так, по способу соединения основных опорных шестов чума и крепления очажного устройства различается пять типов чума — самодийский, кетский, тунгусский, тюркский и тувинский²³. В двускатных постройках угров, эвенков, народов Амура немало отличительных конструктивных деталей. Этнические различия есть и в конструкции подземных жилищ из наклонных (или вертикальных) столбов.

Такие примеры можно было бы продолжить. Они свидетельствуют о большой целесообразности и экологической обусловленности народной архитектуры, дающей возможность выжить в экстремальных условиях.

Такое же назначение у народов Севера имеют двуслойная одежда и обувь из меха, чаще всего — оленя. Олений волос обладает особыми свойствами, благодаря которым одежда и обувь из оленьего меха не только очень теплые, но и гигроскопичные, легкие, быстро высыхают. У большинства оленеводческих народов Севера и одежда, и обувь двуслойные, либо состоящие из двух частей, одна из которых надевается мехом вовнутрь, другая — мехом наружу²⁴. У ненецких, хантыйских, мансийских женщин это двуслойная распашная шуба с «верхом» и «низом» из оленьего меха. У хантов и манси встречались меховые шубы, подбитые шкурами птиц, у некоторых верх шубы был из беличьих шкурок. Из двух частей — *малицы*, сшитой мехом вовнутрь, и надеваемого поверх нее *сокуя*, или *совика*, сшитого мехом наружу, состоит глухая зимняя одежда мужчин — ненцев, хантов, манси, селькупов, части энецов. Двуслойной была глухая мужская одежда нганасан (*лу*), верх — мехом наружу, — низ, подклад — мехом вовнутрь. В дорогу поверх нее надевали еще и сокуй. Женщины носили ровдужный комбинезон, на который зимой надевали еще и меховой, а сверху — распашную одежду типа мужского лу. Поверх меховой распашной *парки* долганы носили глухой совик мехом наружу. Долганки — две шубы — песцовую или заячью, а сверху нее — оленью. У чукчей, части юкагиров, коряков, эскимосов, ительменов мужчины надевали две рубахи, одна мехом внутрь, другая — наружу. Женщины-чукчанки носили меховой комбинезон летом одинарный, зимой — двойной. У коряков женщины поверх мехового комбинезона носили меховую рубашку. Двуслойную одежду надевали на голое тело, ее чаще всего делали с пришитым мехом капюшоном и рукавицами, что обеспечивало дополнительное тепло, долго сохранявшееся в дороге. *Натазники* (либо натазники и штаны) также нередко были двойные меховые (чукчи, эскимосы) или ровдужные и меховые (нганасаны). Обувь у этих народов также была двуслойной и состояла из мехо-

вых сапог (мехом наружу) и меховых чулок (мехом вовнутрь). Неслучайно, очевидно, зимние головные уборы у народов Сибири чаще всего представлены либо капюшоном, либо капором: пожалуй, это наиболее простая, целесообразная и подходящая для суровой зимы форма. Как установлено исследователями, первоначально капор кроился из одной шкурки; нередко с головы оленя²⁵. В такой одежде и обуви можно было часами ехать на оленях даже в ветреную погоду, более того — ночевать в вырытой в снегу яме, если непогода заставляла в пути.

В то же время примечательно, что мужская одежда нганасан короче женской, так как она более приспособлена к пешей охоте, которой нганасаны еще недавно занимались. Если же рассматривать одежду охотников — хантов, манси, селькупов, кетов, эвенков, эвенов, юкагиров, — то окажется, что вся она распашная и однослойная, более короткая, т. е. приспособлена для пешей охоты на лыжах. У хантов это — *колек* (р. Вах), у кетов — *бесем*, у селькупов — *парка*, у эвенков, эвенов — *кафтан* с несходящимися полами и нагрудником, у манси — *лузан* (распашной)²⁶.

Тесную связь адаптивных свойств обуви народов Севера с географическими, хозяйственными и этническими факторами показала в своем блестящем исследовании Г. М. Василевич²⁷. У арктического населения морских побережий, тундры и лесотундры обувь двойная, теплая, высокая и широкая в голенищах, у таежных охотников — более легкая, обтягивающая ногу, у жителей болотистой местности из ровдуги — легкая и гибкая, быстро просыхающая, для переходов по камням горных речек — с нескользжащей меховой подошвой. В болотистой местности Сибири народы Севера (ханты, манси) подкладывали в ровдужную легкую обувь сухую траву. Если обувь намокала, траву меняли, а обувь быстро высыхала. Стельки из сухой травы, положенные в зимнюю обувь, играли роль теплых портянок (ненцы, ханты, селькупы, кеты). Эвены протыкали отверстие в подошве летней обуви для стока воды во время ходьбы. Загнутой носок обуви характерен для обуви охотников горных районов (чтобы не соскакивала лыжа), а также для скотоводов, проводящих много времени в седле. Для верховой езды приспособлена обувь с косым срезом голенища.

Изучение народной культуры с точки зрения ее адаптивных свойств помогает и в этногенетических исследованиях. Например, косой срез голенища в меховой обуви ненцев (не занимавшихся верховой ездой), характерный для обуви кочевников, свидетельствует о приходе самодийцев в тундру с юга и их генетической связи с кочевниками-скотоводами²⁸.

В то же время на процессе адаптации сказываются иноэтнические влияния. Народы заимствуют друг у друга наиболее рациональные, приспособленные к окружающей среде формы культуры, особенно материальной. Неслучайно широко распространились по всему северу Западной и Средней Сибири глухая двойная одежда и обувь самодийского типа²⁹. Подобные заимствования происходят чаще всего в периоды изменения хозяйственного комплекса: с переходом к пушной охоте под влиянием ясачной политики царского правительства народы Сибири почти повсеместно перешли к использованию ружья вместо лука со стрелами.

При внимательном рассмотрении закономерной оказывается система питания народов Севера. Так, у оленеводов преобладает мясная пища, у рыболовов — рыбная, в то время как у скотоводов юга Сибири — мясная и молочная. Эвенки-охотники, используя оленей как средство транспорта, мясо диких оленей предпочитали мясу домашних. Для оленеводов — ненцев, хантов, манси, чукчей, коряков, напротив, излюбленным было мясо домашних оленей.

Отметим несколько характерных адаптивных особенностей пищи народов Севера. Во-первых, это распространенное почти у всех сыроедение³⁰ (и мяса, и рыбы), имевшее огромное значение для выживания, так как оно обеспечивало поступление максимального количества витаминов, кроме того, облегчало

приготовление пищи (ее не надо было предварительно подвергать тепловой обработке) и обеспечивало ее свежесть.

Мясо и рыбу варили, как правило, мало, без приправ (рыбу предварительно не мыли), чтобы сохранить витамины и натуральный вкус. Бульон пили редко, предпочитая более калорийное мясо. Характерно, что у оленеводов, употребляющих вареное или сырое оленье мясо, мало способов его приготовления. Гораздо больше их у охотников, использующих в пищу мясо различных животных, а также дичь, которые готовят по-разному: варят, жарят, сушат, вялят, коптят, едят с ягодами и т. д. Кроме бродячих эвенков-охотников ни у кого не имело столь большое значение в пищевом рационе вяленое или сушеное оленье мясо или мясной порошок из него, которые удобны в походной жизни; эвенки-охотники доили оленей³¹. Еще больше различных способов приготовления рыбы у рыболовецких народов. По-разному они готовили и запасали впрок различные сорта рыб и их части — головы, спинки, икру, рыбий жир и др. Многообразие рыбных блюд и способов заготовки рыбы впрок особенно характерно для «рыбоядцев» в прошлом — хантов, а также для народов бассейна Амура³².

Следует отметить, что рыболовы варили уху без приправ, только из рыбы. Если рыбу и пили бульон отдельно. Последнее вызвано тем, что рыба, особенно речная, очень костлява и есть ее вместе с хлебом, крупой, картофелем опасно.

Разнообразие средств передвижения (нарт, лыж, лодок) у народов Сибири и Севера³³, обусловленное географическими условиями и хозяйственными занятиями населения, также говорит о высокой степени адаптированности к среде обитания.

История развития упряжного собаководства многократно подтверждает это положение: от появления бескопых нарт и волокуш — к ручным охотничьим нартам, впряганию в них собаки, развитию собачьих упряжных нарт сначала в Западной Сибири, а затем (через старожильческое русское население) в Восточной Сибири и наконец — к развитию позднее на этой основе оленьих нарт³⁴ (у манси оленья нарта называется *амп сун* — собачья нарта³⁵).

Скользящие и ступательные, подшитые и неподшитые лыжи (подволоки и голцы) также дают основание для выводов об адаптивности народов Севера³⁶. Если скользящие лыжи известны на всем Севере и в Сибири, то ступательные (лапки, ракетки) — только на Северо-Востоке нашей страны, где неровная, кочкообразная поверхность. У коряков такие лыжи даже имели шипы — для подъема в гору.

Подшитые лыжи, воспринятые русскими у народов Сибири, — великолепное изобретение. Они подшиваются (подклеиваются, подбиваются) *камусом* (мехом с ноги животного — прочным и гладким) оленя — у оленеводов, лошади — у коневодов (якутов, алтайцев, шорцев), тюленя — у морских зверобоев (ительменов, нивхов, ороков), изюбра, козы, марала, лося — у охотников (орочей, удгейцев, шорцев, алтайцев, тувинцев, нанайцев, тофаларов), коровы — у животноводов (алтайцев, хакасов). Но у всех камус обеспечивает быстроту, легкость и бесшумность скольжения. В то же время благодаря направленности ворса в одну сторону камус не позволяет лыжам скользить назад. Чтобы лыжи не разъезжались в стороны, их подшивают отдельными кусками камуса, иногда от разных животных.

При этом самые легкие, тонкие и короткие лыжи характерны для бродячих охотников-эвенков. Остроумно применение бересты для ступательной площадки лыж: она придает прочность лыже и оберегает ее и обувь от обледенения. А у манси для защиты ноги от снега используется специальный мешок, крепящийся к лыже.

Даже лыжные палки-посохи несут двойную-тройную функциональную нагрузку: на них не только опираются (на одном конце палки есть кольцо), но и копают ими снег, с их помощью поднимаются в гору, ими выпугивают и снимают с дерева белку (с помощью лопатки или крюка на конце посоха).

Разные типы лодок распространялись в определенных географических усло-

виях: деревянные составные и долбленые — в таежной зоне, кожаные — килевидные — в тундровой, у морских зверобоев. У хантов и манси в лесной зоне, где есть толстые деревья, изготовлялись долбленые лодки из одного ствола (*облас*), а в лесотундровой зоне, где деревьев мало и они тонкие, — лодки, с выдолбленной основной частью, к которой пришивались доски бортов (*калданка*).

Любопытно, что каркасная берестяная лодка характерна для таежного тунгусо-маньчжурского населения³⁷. У обских угров, селькупов была очень развита техника изготовления утвари и посуды из бересты. О берестяных лодках известно крайне мало³⁸. Возможно, здесь опять-таки большую роль сыграл очень подвижный образ жизни тунгусов, для которых весьма важно было максимально облегчить все предметы материальной культуры, в том числе и транспортные средства, чтобы их можно было переносить на плече по суше. Для них, как и для оленеводов (ненцев, например), тоже характерна максимальная облегченность и приспособленность утвари, жилища для перекочетов (сборный чум, спальные меховые мешки, кстаи характерные только для таких странников, как эвенки, व्यюки и व्यючные сумки и т. п.).

Народы Севера Западной Сибири — ханты, манси, селькупы и кеты — живут в сходных географических условиях (таежная зона, бассейны больших рек — Обь и Енисей с притоками) и имеют близкие ХКТ. В их хозяйстве, хотя и в разном соотношении сочетаются охота, рыболовство и оленеводство. Часть хантов и селькупов живет на большой и рыбной реке Оби; в их хозяйстве рыболовство занимает основное место, охота дополняет его. То же относится к населению, живущему в низовьях притоков Оби (хантам, манси, селькупам). Жители среднего и верхнего течений притоков Оби и Енисея (ханты, манси, селькупы, кеты) занимаются охотой и рыболовством примерно в равной степени, часть их использует оленей как транспортное средство. Наконец, жители верховий обских и иртышских притоков в большей степени занимаются охотой, разводят оленей; рыболовство здесь — вспомогательная отрасль хозяйства. Однако ни охота, ни оленеводство не дают им полного обеспечения продуктами питания, так как охота в значительной степени направлена на добычу пушнины, а олени стада в условиях тайги не могут быть очень большими и служат в основном средством транспорта. Поэтому часть населения вынуждена спускаться на реки Обь, Енисей и в низовья их притоков для ловли рыбы. Это обусловило изобретение такого способа передвижения и передвижного жилища как крытая лодка-илимка, или *каюк*, кетов, хантов, манси, селькупов³⁹. Считается, что принцип ее устройства заимствован у русского населения (русские чиновники, священники, купцы ездили в селения хантов и манси на нартах и лодках, устраивая на них крытый верх или каюты). Но это утверждение не бесспорно. Устройство и применение таких лодок рыбаками Западной Сибири — один из ярких примеров адаптации населения к местным географическим и климатическим условиям, а также типу хозяйства.

Лодки-илимки, или каюки обычно плоскодонные, с днищем из нескольких досок, а не долбленые, как нередко у угров, кетов и селькупов, с острым носом и тупой кормой, большие (от 10—12 до 15 м длиной, 2—3 м шириной, с высотой борта 60—80 см), грузоподъемностью более 4 т. Каюта длиной 6—7 м занимала до двух третей лодки (исключая переднюю, носовую ее часть и корму). Остов ее составлял каркас из переплетенных прутьев в форме рассеченного вдоль цилиндра; сверху его покрывали полотнищами из бересты. Вход в каюту мог быть открытым, либо завешенным куском бересты. Каюты строили из досок, в этом случае со стороны носа устраивали вход с дверью. На бортах лодки иногда делали поручни, на крышу каюты настилали доски и получалась палуба. Когда не было ветра, лодку вели на веслах или бечевой, на лямках, с помощью собак, на мелководье отталкивались шестами. В ветреную погоду шли на парусах. Для этого на крыше каюты ставили мачту 7—8 м высотой, парус шили из бересты или ткани. Мачту украшали вымпелом, трезубцем или флюгером (*флюгарка*).

В лодках с каютами ездили на дальние рыболовные угодья, во время плава-

ния спали в них семьями. Кетские семьи жили в них в течение всего сезона ловли рыбы. На таких лодках перевозили также различные грузы (соленую и сушеную рыбу, купленные в магазине продукты питания — муку, соль, хлеб и пр.). У кетов каюта на лодке делилась на две части: передняя — для людей, задняя — для груза. Подобные лодки с каютами были распространены у северных и восточных хантов (С. Сосьва, Казым, Юган, Вах), тазовско-туруханских и нарымских селькупов, подкаменно-тунгусских и елогуйских кетов.

В типах летних селений и жилищ рыбаков Западной Сибири и бассейна Амурского много общего (например, каркасные постройки из жердей и коры — односкатные, двускатные, полусферические, прямоугольные с разной формой покрытия). Известны были на Амуре и лодки с покрытием⁴⁰, но они не были столь широко распространены, как в Западной Сибири, и были средством передвижения, а не формой плавучего дома, что, по-видимому, объяснялось различными факторами. Важнейшие из них: 1) географические (в основном коренное население живет на берегах Амурского, а не на мелких его притоках); 2) экологические (здесь больше рыбы, нежели в притоках Оби, Енисея, нет необходимости ездить за ней далеко); 3) глубокая традиция оседлой жизни; 4) возможно, не было иноэтничного влияния, как в Западной Сибири (если илимка и каюк действительно возникли под влиянием русских).

В кетской илимке интересно сочетание некоторых конструктивных деталей, свойственных как жилищу — устройство сводчатого остова каюты из гнутых прутьев, как в прутьяном чуме *тун*, *ус* (дуга каркаса такого жилища и каюты илимки называется одинаково — *тун*), так и ездовой нарте (наддверная дощечка каюты илимки по форме сходна с задней спинкой грузовых женских нарт). В то же время железный стержень флюгарки нередко сохранял форму шаманского жезла (иногда он использовался для флюгера; его называли *сенда укс* — палка шамана). У каждого рода елогуйских кетов были свои отличительные знаки на флюгарках. У юганских хантов каждая семья или группа семей с одной фамилией также имели свои фигуры на флюгерах.

Таким образом, на примере крытой лодки-илимки видим, как происходит адаптация человека к определенным условиям жизни, при этом действуют такие факторы, как географические, климатические условия, тип хозяйства, образ жизни, этнические традиции, иноэтничное влияние.

В тесной связи с адаптацией человека в эстремальных северных условиях происходило формирование мировоззрения, социальной структуры, обычаев, нравов и в целом всего комплекса духовной культуры народов Севера.

В суровых условиях Севера была необходима взаимопомощь. На принципах взаимопомощи основаны многие этические нормы, правила и обычаи. Так, в охотничьих избушках всегда оставляли запас сухих дров, спички, продукты. Человек, застигнутый непогодой, всегда знал, где расположена избушка и мог воспользоваться ею и ее запасами.

Добытой рыбой, мясом лося, оленя, морских животных всегда делились друг с другом. У чукчей и эскимосов добытого кита разделявали и ели всем селением. У хантов, манси и селькупов, кетов рыбаки всегда выделяли часть улова одиноким и престарелым людям.

Оригинален обычай *нимат* эвенков, тувинцев, тофаларов⁴¹: охотник обязан отдать свою добычу, не участвуя в ее дележе, всем обитателям стойбища, независимо от кровного или родового родства. Формой коллективного поедания добытого зверя были как жертвоприношения, так и различные праздники — медвежий, в честь кита, моржа, забоя оленей, голов, рогов и др.

Мировоззрение, религия, обряды, праздники, практика шаманов имели огромное адаптирующее значение для народов Севера.

Шаманы лечили болезни, предсказывали результаты промыслов, совершая обряды и камлания, общались с духами и сообщали людям их волю, находили пропавшие вещи, гадали по разным поводам. Все это способствовало психологической стабильности, уверенности в завтрашнем дне⁴².

Такую же роль играли и праздники, которые, будучи календарными, определяли ритм жизни. Основные праздники приходились на весну и осень — периоды, наиболее важные для промысла. Они должны были обеспечить успех в охоте и рыболовстве в течение всего года ⁴³.

Адаптивное значение праздников и обрядов (семейных и общественных) особенно подчеркивается их многофункциональностью ⁴⁴. Они способствуют социальному сплочению коллектива, закрепляют социальный статус и престиж личности в обществе (социально-коммуникативная функция); создавая чувство равновесия в социальной среде, формируют ценностные ориентации и нравственные идеи, мораль людей (воспитательная функция); определяют нормы и стереотипы их поведения, регламентируют жизнь (регулятивно-этическая функция). Религиозно-магическая, или охранительная функция призвана обеспечить благополучие, здоровье, спокойствие людей, эмоционально-психологическая — самовыражение личности, коллективное сопереживание участников обряда, снятие стрессовых состояний и т. п.

Как особые заповедные резервные территории можно рассматривать т. н. священные места, места обитания духов. Здесь нельзя было рубить деревья, охотиться, рыбачить, собирать ягоды и т. п. У хантов, например, существовали даже предания, в которых рассказывалось о наказаниях, ниспосланных на людей за нарушение этих правил (так, в д. Вежакоры на р. Оби нам рассказали о хантской женщине, у которой опухла рука после того, как она обломила веточку на дереве, растущем на таком священном месте) ⁴⁵. Обряды, связанные с этими местами, способствовали психологической стабильности. Например, на реках Сынья и Куноват (притоки Нижней Оби) женщины посещают женские священные места (куда доступ мужчинам закрыт) не только во время праздников (весной — Вороний день, летом — Ильин день и т. п.), но и в будни, а также во время болезни, либо после плохого сна. В этом случае женщина приходит в рощу с ближайшими родственницами или знакомыми. Здесь совершается обряд молитвы, обращения к духам с определенными просьбами, жертвоприношения, коллективная трапеза, душеспасительные беседы ⁴⁶.

Погребальная обрядность, традиции которой складывались на протяжении веков и тысячелетий, связанная с представлениями народов Севера о мире, человеке, его жизни и смерти, душе, помогала людям переносить утрату близких, давая им утешение и надежду на загробную жизнь. Этой цели подчинены такие обычаи и обряды как постройка надгробного сооружения, имитирующего дом (у хантов, манси, селькупов, эвенков, народов Амура и др.), укладывание в гроб, могилу и надгробный домик вещей умершего, определенный срок траура. С одной стороны, эти обычаи помогали облегчить восприятие смерти, которая считалась началом жизни в загробном мире, с другой — ограничивали сроки оплакивания умерших.

Например, у северных хантов мы столкнулись с интересным явлением, когда по истечении срока траура (2—2,5 календарных года) запрещалось часто ходить на кладбище и оплакивать умершего (нельзя много плакать). И вообще у ряда народов Севера не положено сильно убиваться по умершему. Это мудрое народное правило, безусловно, давало возможность адаптироваться в сложных условиях после потери родственников ⁴⁷.

Обычай делать изображение умершего (его заместителя), хранить его определенный срок в доме на месте умершего, кормить его, давать имя умершего предка новорожденному, а также связанные с этим обряды и т. п. ⁴⁸ как бы продлевали пребывание умершего среди сородичей, что облегчало их горе.

Для большинства народов Севера их традиционное мировоззрение являлось не только духовным отражением различных пластов этнической культуры, но и своеобразным средством (механизмом) психологической адаптации к экстремальным социальным и климатическим условиям Крайнего Севера.

Число подобных примеров адаптивных свойств культуры народов Севера можно увеличить. Данную статью мы рассматриваем как постановку проблемы.

Как мы убедились, эта тема очень интересна и имеет не только теоретическое, но и практическое значение, особенно сейчас, в условиях изменяющейся экологической обстановки. Надеемся, что наша публикация будет способствовать дальнейшим исследованиям этого аспекта народной культуры.

Примечания

- ¹ Статья написана на основе выполненной в 1990 г. работы по научно-исследовательскому проекту «Адаптивная функция национальной культуры у народов Севера» в рамках программы «Человек, наука, общество: комплексные исследования».
- ² См. библиографию в книге *Крупника И. И.* «Арктическая этноэкология». М., 1989.
- ³ *Тцен Т.* Культурная и этническая непрерывность коренных народов Севера: некоторые антропологические подходы // Сов. этнография. 1990. № 5.
- ⁴ Исключением являются работы *Крупника И. И.* «Арктическая этноэкология» и *Турова М. Г.* «Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX — начале XX в.» Иркутск, 1990.
- ⁵ *Хлобыстин Л. П.* О древнем населении Арктики // Кр. сообщ. Ин-та археол. АН СССР. 1973. С. 136; *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на дикого оленя Северной Евразии. М., 1976; История Чукотки. М., 1989.
- ⁶ *Симченко Ю. Б.* Указ. раб.; *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке // Народы Сибири. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР (ТИЭ). М., 1960. Т. 55).
- ⁷ *Левин М. Г.* К проблеме исторического соотношения хозяйственно-культурных типов Северной Азии // Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР (КСИЭ). М., 1947. Вып. 2; *Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области (к постановке вопроса) // Сов. этнография. 1955. № 4; Народы Сибири. М.; Л., 1956 (Серия «Народы мира. Этнографические очерки»); Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР. М. 1960. С. 296—300.
- ⁸ *Соколова З. П.* Обско-угорское жилище и его история // Дисс. ... к. и. н. М., 1957. С. 16—29.
- ⁹ См. об этом также: *Головнев А. В.* Историческая типология традиционных форм хозяйства у народов Северо-Западной Сибири (XVII—начало XX) // Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 1986. С. 9—12; *его же.* Система хозяйства сибирских тундровых ненцев в конце XIX — начале XX в. // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск, 1986.
- ¹⁰ *Василевич Г. М.* Эвенки. Л., 1969. С. 42—53, 184—185; *Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П.* Календари народов Сибири // Календари народов мира. М., 1991; *Васильев В. И., Головнев А. В.* Народный календарь как источник исследования хозяйственного уклада народов Северо-Западной Сибири // Духовная культура народов Сибири. Томск. 1980; *Соколова З. П.* Времечисление у обских угров // Традиционная обрядность и мировоззрение малых народов Севера. М., 1990; *Смоляк А. В.* Традиционные календари у народов Нижнего Амура // Новое в этнографии. М., 1990. Вып. 1; *Туров М. Г.* Указ. раб. С. 126—129.
- ¹¹ *Василевич Г. М.* Указ. раб. С. 182—192.
- ¹² *Туров М. Г.* Указ. раб.
- ¹³ *Соколова З. П.* Обско-угорское жилище и его история; *ее же.* Современные селения и жилища ваховских хантов // ТИЭ. М., 1960. Т. 56.
- ¹⁴ *Чернецов В. Н.* Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 121. (ТИЭ. Т. 51).
- ¹⁵ *Соколова З. П.* Жилище народов Сибири // Жилище народов СССР (рукопись); Историко-этнографический атлас Сибири. М.—Л., 1961. (Раздел «Жилище»). М.—Л., 1961.
- ¹⁶ *Соколова З. П.* К истории жилища обских угров // Сов. этнография. 1957. № 2. С. 90—97.
- ¹⁷ Этногенез народов Севера. М. 1980. С. 102—103; *Алексеев Е. А.* Кеты. Л., 1967. С. 99.
- ¹⁸ *Смоляк А. В.* Этнографическое изучение ульчей // КСИЭ. 1949. Вып. V. С. 52.
- ¹⁹ *Иванов С. В.* Старинное зимнее жилище ульчей // Сб. МАЭ. М., Л., 1951. Т. 13. С. 96; *Смоляк А. В.* Материальная культура ульчей и некоторые вопросы их этногенеза // Сов. этнография. 1957. № 1. С. 93—95; *Таксаи Ч. М.* Селения, жилище и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалин (середина XIX — начало XX в.) // ТИЭ. М.; Л., 1961. Т. 64. С. 132—133.
- ²⁰ *Соколова З. П.* Обско-угорские дощатые постройки // КСИЭ. 1959. Вып. 31.
- ²¹ *Чернецов В. Н.* Чум // Сов. этнография. 1936. № 6; *Хомич Л. В.* Ненцы. Л., 1966. С. 101—111.
- ²² *Хомич Л. В.* Указ. раб. С. 101.
- ²³ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 155—156.
- ²⁴ *Прыткова Н. С.* Одежда хантов // Сб. МАЭ. 1953. Т. 15; Одежда народов Сибири. Л., 1970; Историко-этнографический атлас Сибири. С. 227—368; Народы Сибири.
- ²⁵ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 329—338, 339—368.
- ²⁶ *Шатилов М. Б.* Ваховские остиаки // Труды Томск. краевого музея. Томск., 1931. Т. IV; *Лукина Н. В.* Формирование материальной культуры хантов. Томск., 1985. С. 36—48, 146—182; *Федорова Е. Г.* Одежда манси. XIX—XX вв. // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск., 1978.
- ²⁷ *Василевич Г. М.* Типы обуви народов Сибири. Томск., 1978.
- ²⁸ Там же. С. 60.

- ²⁹ Этническое развитие народностей Севера в советский период. М., 1987. С. 118—126.
- ³⁰ Лукина Н. В. Субстратные компоненты в пищевых традициях хантов // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово., 1986. С. 65—66.
- ³¹ Василевич Г. М. Эвенки. С. 122—125; Туголуков В. А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969. С. 82.
- ³² Лукина Н. В. Традиции приготовления пищи у восточных хантов // Урало-алтаистика. Археология. Этнография. Язык. Новосибирск., 1985; *ее же*. Субстратные компоненты...; Смоляк А. В. Ульчи. М., 1966. С. 92—94.
- ³³ См. Историко-этнографический атлас Сибири (Упрямое собаководство. С. 62—77; Лыжи. С. 79—105; Лодки. С. 107—129).
- ³⁴ Там же. С. 63—64.
- ³⁵ Чернецов В. Н. Термины средств передвижения в мансийском языке // Сб. статей памяти В. Г. Богораза (1865—1936). М.; Л., 1937. С. 350.
- ³⁶ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 79—86.
- ³⁷ Там же. С. 107—129.
- ³⁸ Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. С. 19.
- ³⁹ Историко-этнографический атлас Сибири. С. 108. Табл. 1—3, 2—3; Алексеев Е. А. Средства передвижения кетов // Сиб. этн. сб. Л., 1961. Вып. III. ТИЭ. Т. 64. С. 91—97, Рис. 19—21; Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов. С. 19—21. Рис. 3—4.
- ⁴⁰ Смоляк А. В. Традиционное хозяйство и материальная культура народов Нижнего Амура и Сахалина. М., 1984. С. 125—126.
- ⁴¹ Туголуков В. А. Следопыты... С. 120—121; Вайнштейн С. И. Тувинцы-тоджинцы. М., 1961. С. 127—128.
- ⁴² Из истории шаманства. Томск., 1976; Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири. Л. 1981; Sokolova Z. P. A Survey of the Ob-Ugrian Shamanism // Shamanism: Past and Present. Budapest; Los Angeles / Fullerton. 1989.
- ⁴³ Чернецов В. Периодические обряды и церемонии у обских угров, связанные с медведем // Congressus Secundus Internationalis Fenno-Ugristarum. Paris II; Helsinki 1965; Tschernjetsow V. N. Bärenfest bei Ob-Ugriens // Acta Ethnographica. 1974. Т. 23 (24); Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972. С. 55—85; *ее же*. Страна Югория. М., 1976. С. 60—70; Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск., 1984. С. 83—88; Новикова Н. И. Мифологические и бытовые интермедии в структуре медвежьего праздника современных манси // Современная духовная культура народов Сибири и Севера. Омск., 1989.
- ⁴⁴ Соколова З. П. Синкретичность и полифункциональность обрядов и праздников как основа их жизнестойкости // Всесоюзная научная сессия по итогам этнографических и антропологических исследований 1986—1987 г. Тезисы докладов. Сухуми., 1988. С. 116—117.
- ⁴⁵ Соколова З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX—начале XX века // Сб. МАЭ. М., 1970. Т. XXVII. С. 215—222.
- ⁴⁶ Соколова З. П. Женские и мужские священные места у хантов р. Сыня // Итоги полевых работ Института этнографии в 1971 г. М., 1972.
- ⁴⁷ Соколова З. П. Страна Югория. С. 108.
- ⁴⁸ Семейная обрядность народов Сибири. М. 1980; Чернецов В. Н. Представления о душе...; Соколова З. П. Об одном традиционном обычае погребального цикла сынских хантов // Новое в этнографических и антропологических исследованиях (Итоги полевых работ Института этнографии в 1972 г.). М., 1974; *ее же*. Наследственные, или предковые, имена обских угров и связанные с ними обычаи // Сов. этнография. 1975. № 6.

© 1991 г., СЭ, № 4.

О. Р. Будина. М. Н. Шмелева

ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДА В ИНТЕГРАЦИИ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ

(по материалам русского города
1970—1980 гг.)

Не вызывает сомнений, что в наше время на культуру и образ жизни народов урбанизация оказала и продолжает оказывать мощное воздействие. Однако в разных регионах и у разных народов по тем или иным причинам такое воздействие имело и имеет различные последствия.